

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Рассмотрение социально-политических проблем является традиционным для религиозно-философской мысли. Христианское осмысление феноменов общества, истории и государства, начиная с периода патристики, двигалось в русле философской интерпретации принципа провиденциализма. Современная религиозная философия ориентируется на рассмотрение вышеуказанных проблем в плоскости языкового анализа.

Подобная переориентация связана с рядом значимых перемен в философии XX века, традиционно обозначаемых понятием "лингвистического поворота" [6, с. 417-418] и существенно отразившихся на современной религиозно-философской мысли. К их числу относят рассмотрение языка как предельного онтологического основания мышления и деятельности, критику понятия субъекта, историцизм, описание политических и социальных функций языка. Парадигмальные новации, характерные для философии начала XX века, были воспри-

традиционной предметной сферы, в том числе и социально-политической проблематики.

Применительно к анализу социально-политических проблем религиозно-философской мыслью эти перемены выражаются в первую очередь в стремлении рассматривать философию языка как методологическую базу социально-философского познания. Это можно увидеть на примере работ протестантского мыслителя О. Розенштока-Хюсси.

Стремясь открыть единое основание для любого социального исследования, О. Розеншток-Хюсси исследует языковой аспект социальных отношений. Общество, с его точки зрения, “живет” речью и “умирает” в ее отсутствие. В этом смысле исходный пункт методологии, предлагаемой О. Розенштоком-Хюсси, сходен со структурализмом. Подобно структуралистам, мыслитель считает, что общество и язык изоморфны, и различные феномены и процессы социальной жизни можно исследовать путем изучения языка. Именно поэтому грамматика как наука о языке может стать методологической основой изучения социальной действительности, способной наиболее адекватно охарактеризовать социальную реальность. Грамматика провозглашается О. Розенштоком-Хюсси “органом общественных наук, всякого социального исследования” [4, с. 12], учением о “кровеносной системе общественного организма” [4, с. 13].

Применение “грамматического метода” имеет смысл в том случае, если установлена некая сущностная взаимосвязь языка и социальной действительности. То есть, другими словами, если язык является всего лишь частью общества, одним из его аспектов, то “грамматический метод” не имеет под собой разумного основания. Рассмотрение философии языка как методологической базы общественнознания, таким образом, предполагает обоснование взаимосвязи природы языка и природы общества.

Подлинный язык в понимании О. Розенштока-Хюсси является социальным и политическим феноменом. Способность языка творить социальное бытие и политический порядок он считает ключевым пунктом в понимании его собственной сущности. В этом смысле объектом философии языка О. Розенштока-Хюсси являются лишь грамматические формы, имеющие “социальные последствия”. Мыслитель рассматривает сам процесс речи как особую систему общественных отношений, что обнаруживается уже в самом определении: “Язык – физический носитель социальных связей, направленных на установление отношений” [4, с. 122], “Язык – это пространственно-временной физический процесс, обладающий общественной значимостью” [6, с. 123]. Язык потому “переживает” любого говорящего индивида, что не ограничивается образованием временных отношений, а стремится к фиксации длящихся взаимодействий.

Таким образом, язык трактуется как “функция” общественных отношений. Он принципиально социален, его подлинность в конечном счете определяется способностью творить социальное бытие как некое устойчивое целое. В этом смысле с точки зрения О. Розенштока-Хюсси понять природу языка без уяснения его социальной роли невозможно: “Тот, кто в грамматике не описывает образование общественных форм, разрушает само основание всякой грамматики” [4, с. 82]. В этом О. Розеншток-Хюсси близок к структуралистам и постструктуралистам. При этом если “власть языка”, зависимость последнего от социальной реальности постструктурализмом оценивается критически, то О. Розенштоком-Хюсси рассматривается в качестве критерия “подлинности”. Тем не менее “историчность” языка, его согласованность со структурой господствующего мировоззрения признается и активно исследуется современной философией.

Основную черту любой социальной общности и любого политического порядка О. Розеншток-Хюсси видит в “помещении” человека во время и пространство, выходящие за пределы возможностей их органов чувств. Как “социальное”, так и “политическое время” дольше срока индивидуальной человеческой жизни, а пространство, формируемое социальными и политическими общностями, больше тех, которые могут быть доступны отдельно взятому индивиду. Таким образом, О. Розеншток-Хюсси исходит из представления о том, что любая социальная целостность и любой политический порядок являются по отношению к отдельному человеку “неестественными”, “трансцендирующими”, выводя их за рамки собственной жизни. Единственным средством для создания такого “сверхчеловеческого” объединения может быть, согласно мыслителю, только язык: “Язык – это политическая структура группы, выходящая за пределы времени жизни и жизненного пространства каждого индивида” [5, с. 119].

Таким образом, О. Розеншток-Хюсси делает акцент на взаимозависимости между трансцендирующей функцией социальной и политической общности по отношению к отдельной личности и трансцендирующей функцией языка. Социальная общность интерпретируется как надындивидуальный, сверхприродный феномен, который может возникнуть лишь благодаря языку, который “либо создает сообщество, либо убивает его” [4, с. 126]. Общественная жизнь, таким образом, понимается как создаваемая языком: “Социальное тело – это основанный на звучащем слове порядок, сутью которого является воплощение” [4, с. 308]. Основа для этих высказываний – специфическая интерпретация понятий социального пространства и социального времени.

Конституирующая функция по отношению к социальному пространству и времени приписывается языку. В концепции О. Розенштока-Хюсси язык создает социальную “систему координат” (“крест действительности”), которая позволяет говорить о темпоральном и пространственном измерении общественного бытия, человеческой истории. Так, например, основной “единицей” темпорального языка как целого О. Розеншток-Хюсси считает установление единства времени в процессе речи, выступающее предпосылкой понимания друг друга двумя говорящими: “Всякое настоящее является пересечением двух отдельно взятых времен, превращающим их в некое совместное время, которое можно выразить словом” [3, с. 148]. Время, таким образом, не является данностью, а постоянно творится заново в речи, творится из отдельных человеческих “времен”. Если же рассматривать феномен языка как целое, то он будет охватывать собой всю человеческую историю, все совокупное время человечества. Таким образом, язык наделяется онтологической значимостью, трактуется как один из наиболее значительных “фактов” мироздания, всегда сопряженный с экзистенциальным риском.

В этом смысле язык интерпретируется в качестве надындивидуальной целостности, в которую погружены все люди, как того, что обеспечивает непрерывность совокупного человеческого опыта, создает пространственно-временное единство любой социальной общности. Процесс речи интерпретируется мыслителем как проникновение в надындивидуальное, сверхчувственное измерение, за пределы доступных отдельно человеку пространства и времени. При помощи языка каждая культура создает свое пространство время, которые являются искусственными и одинаковыми для всех членов общности. Процесс речи в этом контексте выражает потребность человека в человечестве, воплощает в себе социальную сущность личности.

В силу этого человеческий язык создает своеобразное “силовое поле”, обеспечивающее единство человеческой истории. Это “силовое поле” (по-другому у

О. Розенштока-Хюсси это называется “электрической сетью языка”) в некотором смысле представлено и в философии языка другого религиозного мыслителя православного направления П.А. Флоренского. Согласно П.А. Флоренскому, слово при произнесении пропитывается оккультными энергиями говорящей личности при каждой ситуации говорения. Смысл слова обогащается при каждом новом случае его употребления. В момент высказывания происходит “резонирование” всех накопившихся смыслов. Социальность языка, таким образом, связана у П. Флоренского и с таким свойством, как синэнергийность. В слове происходит сращивание энергий индивидуального духа и общечеловеческого разума, просоединение говорящего к наиндивидуальному соборному единству. Сходно у О. Розенштока-Хюсси человек, говоря, пребывает в своего рода центре, пространственные и временные направления от которого образуют “крест действительности”: “Человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве” [4, с. 56].

Конституирующая функция языка по отношению к социальному пространству и времени обеспечивается его интерсубъективностью, данностью по крайней мере двух субъектов языка. Подобно тому, как в физике “объективное” время не может быть зафиксировано, если дан только один объект, социально-философское познание должно ориентироваться на диалогический принцип. Говорящий у О. Розенштока-Хюсси не является “субъектом” в классическом смысле слова: язык предполагает говорение и слушание, призыв и ответ, приказ и повиновение, обетование и его исполнение. Только в этом случае возможна интерпретация языка как целостная среда, в которой протекает вся жизнь человека и в которой только и возможны социальные связи.

Интерсубъективность языка в концепции О. Розенштока-Хюсси связана с постмодернистским принципом децентрации и критикой понятия субъекта. Мыслитель пытается создать так называемую “внецентренную грамматику”, что в первую очередь связано с отказом от представления, согласно которому говорящий находится “в центре”, то есть, в сущности, с отказом от классического понятия субъекта. В философии О. Розенштока-Хюсси слушание и высказывание являются единым процессом речи и могут быть адекватно поняты лишь в единстве. Говорящий не находится в центре языкового “мироздания”. Ни отдельное предложение, ни произносящий его отдельный человек не могут рассматриваться как исходный пункт в исследовании языка.

В этом контексте О. Розенштоком-Хюсси критикуется представление о человеке как субъекте языка, отвергается интерпретация языка как средства передачи информации, объекта манипулирования говорящим субъектом, сведение языка роли к передаче мыслей: “Язык – это нечто большее, чем простое орудие и простая игрушка нашего сознания. Он пришел к нам как нечто глубоко серьезное с тем, чтобы мы могли следовать своему человеческому призванию. Говорить – значит войти в сверхчеловеческую область и руководствоваться, постоянно руководствоваться ею” [5, с. 92]. Когда человек говорит или к нему обращена речь, к его предшествующему существованию в качестве субъекта или объекта добавляется новое свойство. Он становится говорящим или слушающим. В настоящем языке мы не являемся ни субъектами, ни объектами, поскольку всегда становимся чем-то большим по сравнению с тем, чем мы были до начала речи.

С этой точки зрения субъект и объект в философии О. Розенштока-Хюсси – это всегда “вчерашние” понятия. Таким образом, понятия “субъект” и “объект” оказываются второстепенными, пограничными понятиями, которые не могут использоваться в познании социальной действительности: “Я-субъект и объекты,

как мы называем мир, отделены друг от друга. И точно так же, как рана зарастает новой тканью с обеих сторон до тех пор, пока ее края не сомкнутся и не обновится вся ткань, у раны гуманистического, игрового миропонимания два края: один – это субъект, а другой – объект. Рана должна затянуться в процессе встречного движения обоих краев” [3, с. 199]. Человеческое знание лавирует между субъектом и объектом как пограничными понятиями, не существующими в действительности: “И идеалистический субъект, “Эго”, и материалистический объект, “Оно”, – это сухие листья на древе жизни. Полагание “Я” и “Оно” является карикатурой на истинное место человека в обществе” [3, с. 226].

Православная религиозно-философская мысль не знает проблемы интерсубъективности в том виде, как это представлено в протестантской философии, в большей степени подверженной влиянию западной философской традиции. Вероятной причиной этого является то, что для православной мысли не характерен субъектоцентризм, а если нет субъекта, нет и проблемы интерсубъективности. Это можно увидеть на примере ряда мыслителей.

Так, например, П.А. Флоренским принципы, согласующиеся с идеями диалогизма, интерпретируются сугубо религиозно, через осмысление сущности религии как “связи”. В философии П. Флоренского имена исследуются как своего рода “социологические сущности” [7, с. 43], которые в определенные исторические периоды жизни человеческого общества могут приобретать характер “станций”, служить “точкой приложения” верований и убеждений человеческого сообщества и в силу этого выступать в качестве “фокусов социальной энергии” [7, с. 46]. В этом контексте правомерно также упомянуть такое понятие философии П.А. Флоренского, как “магия”, которое в специфической интерпретации мыслителя призвано выражать отношение к миру, противоположное субъект-объектному взаимодействию. Кроме того, некоторые идеи, связанные с проблемой интерсубъективности, можно найти в рамках сугубо религиозных, а не философских размышлений мыслителя, например, в лагерных письмах. А.Ф. Лосев, по его собственным словам, первым в русской философии обосновал слово и имя как орудия живого социального общения, называя в этом смысле свою философию “полным реализмом”.

Проблемы интерсубъективности представлены также в концепциях С.Л. Франка и Г.Г. Шпета, у которых сознание “Я” также является не индивидуальным, а коллективным. Подвергая критическому анализу понятие “чистого сознания” Э. Гуссерля, Г. Шпет переинтерпретирует его в качестве “социального бытия”, “культурно-социального познания”, в качестве слова. В анализе знака он проводит различие сущности как “внутреннего смысла” и слова как “социального бытия”. Г. Шпет акцентирует социально-историческую природу языка. “Языковое сознание” интерпретируется им как общее, возникающее “через” общение, выраженное в отношениях людей к продуктам культуры, которые он называет “коллективными переживаниями”. Подобно О. Розенцтоку-Хюсси Г. Шпет называет слово “социальным фактом”, а в полной и подлинной конкретности – “историческим фактом”. Поскольку Г. Шпета нельзя отнести к религиозно-философской мысли, подробный анализ его взглядов на социальную природу языка не входит в задачи данной работы. В понимании Г.Г. Шпета “Я” есть сознание языковой общины и той мысли, к которой приобщается “Я”, когда высказывается. Самосознание “Я” представляет собой не что иное, как творческую силу, способную располагаться на пересечении различных социальных групп, оно обнаруживается посредством того применения, которое “Я” имеет благодаря своей одновременной принадлежности к разным лингвистическим группам и общинам. Согласно С.Л. Франку, обнаружение личности для “себя” и для “других” возможно

лишь в коммуникативном отношении "Я – Ты", в котором поиск самоидентификации предполагает трансценденцию.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно констатировать, что в современной религиозной философии представлены попытки интерпретации социально-политических проблем в плоскости языкового анализа. Философия языка в этом контексте служит методологической основой социально-философского анализа, что возможно благодаря фиксации сущностной взаимосвязи языка и общества: Понимание сущности языка способствует пониманию сущности общества и наоборот. В первую очередь это связано с тем, что трансцендирующее свойство социальных и политических общностей функционально связано с трансцендирующей функцией языка, эта связь обеспечивается конституирующей функцией языка по отношению к социальному времени и пространству. В свою очередь, языковое конституирование возможно благодаря такому свойству языка, как интересубъективность, позволяющему интерпретировать последний как основу социального взаимодействия.

Все вышперечисленное позволяет современным религиозным мыслителям говорить о взаимозависимости социальных и политических перемен и трансформаций в сфере языка. Предполагается, что социальные и политические перемены, с одной стороны, вызываются языком, с другой, воплощаются в языке.

О. Розеншток-Хюсси демонстрирует это на основе интерпретации различных негативных сторон общественной жизни как имеющих языковую природу. В качестве основных "социальных бедствий" называются анархия, упадок, революция и война. Все эти общественные явления называются О. Розенштоком-Хюсси "доисторическими", "доязыковыми ситуациями", при которых необходим своего рода "возврат к языку", "артикуляция". Все эти явления вызваны теми или иными "болезнями языка". Во время войны противоборствующие стороны не разговаривают друг с другом, язык замыкается в границах каждого из воюющих. Революция первоначально не артикулирована, для ее полного осуществления необходим новый язык, поскольку она осуществляет насилие над существующим миропорядком, пытается утвердить собственный. В период упадка общество слишком артикулировано, возникает лицемерие, повторение старого. В результате общество теряет способность жить для будущего, для последующих поколений. При анархии отсутствует слушание того, что говорится в рамках собственного сообщества, что вызывает социальную разобщенность. Таким образом, по наблюдению О. Розенштока-Хюсси, все перечисленные феномены общественной жизни имеют языковую природу, связаны с языковыми проблемами. "Болезни языка" порождают исчезновение совместного времени и пространства для членов данной социальной общности, разрушают "тело" общества.

Такой анализ необходим О. Розенштоку-Хюсси, прежде всего, для демонстрации взаимозависимости между различными процессами, происходящими в обществе, и языком. Это своего рода обоснование предложенной им методологии социогуманитарного познания, провозглашающей учение о языке основой обществознания. Кроме того, следует отметить, что в философии О. Розенштока-Хюсси явно просматриваются экзистенциальные моменты. Проявляется это, прежде всего, в его интерпретации значения смерти. Феномен смерти у О. Розенштока-Хюсси наполняется положительным значением. В случае социального знания такую роль выполняют вышперечисленные "бедствия" общественной жизни, которые заставляют "проговаривать" свое сознание, вдохновляют процесс познания.

Согласно концепции О. Розенштока-Хюсси, языку человечество также обязано созданием социальной иерархии. Это первоначально связано с различением

в человеческом сообществе подлинного и неподлинного языка. В природе нет разделения на истинное и ложное, видимое и действительное, серьезность и игру. Это различие обнаруживается только в обществе, и возникает оно первоначально в языке.

В данном контексте О. Розенштоком-Хюсси строго проводится различие подлинного и неподлинного языка. В обыденном, инструментальном применении язык, по его мнению, выполняет те же функции, что и звуки, издаваемые животными, и может быть к ним приравнен. Ни одна из сущностных характеристик подлинного языка к обыденной речи неприменима. С другой стороны, О. Розеншток-Хюсси различает слово-деяние, речь как действие. В качестве таковой, по мнению мыслителя, может выступать только формальная речь. Это разграничение чрезвычайно важно для О. Розенштока-Хюсси, поскольку он рассматривает эти два вида языка как принципиально различные, несопоставимые ни по сущностным характеристикам, ни по выполняемым функциям, ни по целям, на которые направлены.

Именно формальный, подлинный язык О. Розеншток-Хюсси считает средством создания, поддержания и обновления политического порядка, а также средством формирования социальной целостности. Таким образом, язык помогает человеку возвыситься над хаосом: "Язык исходит не из *common sense*, а приходит к нам от отцов – обосновывающих смысл творцов новой организации. Здравый человеческий рассудок использует и делает обыденным существующий язык, и благодаря ему мы чувствуем себя как дома в условиях жесткого и непоколебимого политического порядка" [5, с. 118]. Подлинное слово у О. Розенштока-Хюсси – это акт веры, сплоченности, послушания, общественного действия, оно должно быть основано на тройственной связи между ответственностью, говорящим человеком и духом. Если с формальным языком О. Розеншток-Хюсси связывает создание и поддержание социальной и политической целостности, то обыденный язык может послужить причиной сбоев в их функционировании в силу его неспособности понять значение великих форм языка.

В целом в современной религиозно-философской мысли наблюдаются тенденции, сближающие ее с постмодернистской трактовкой языка как социального института, под который "подстраиваются" его отдельные конкретные носители. Здесь уместно упомянуть и понятие "символического" Ж. Лакана, трактуемого как сфера социальных и культурных норм, представлений и ценностей, и понятие "нарратива" Ф. Джеймсона, понимаемое как повествовательное знание, "коллективное сознание", направленное на подавление социальных противоречий. Современную религиозно-философскую мысль сближает с постмодернизмом трактовка действительности сквозь призму языка, понимание всей человеческой культуры как суммы текстов, т.е. как интертекст.

Специфику рассмотрения социально-политической проблематики современной религиозно-философской мыслью можно обобщить в следующих моментах:

1. Рассмотрение философии языка как методологической основы социального познания.
2. Взаимозависимость между трансцендирующей функцией социальной и политической общности по отношению к личности и трансцендирующей функцией языка.
3. Взаимозависимость социальных и политических перемен и трансформаций в сфере языка.
4. Конституирующая функция языка по отношению к социальному времени и пространству.

5. Интерпретация языка как основы социального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. – М., 1994.
2. *Пигалев А.И.* Социология // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001.
3. *Розеншток-Хюсси О.* Бог заставляет нас говорить. – М., 1998.
4. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность. – М., 1994.
5. *Розеншток-Хюсси О.* Язык рода человеческого. – М.-СПб., 2000.
6. *Филиппович А.В.* Лингвистический поворот // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001.
7. *Флоренский П.А.* Мысль и язык // Флоренский П. А. Сочинения в 2 томах. Т. 2. У водоразделов мысли. – М., 1990.

SUMMARY

The influence of the "linguistic turn" on the social and political research in the contemporary religious philosophy has been considered in the article, the works by O. Rosenshtok-Hussy and P. Florensky being taken as an example. The novelty of the article is in defining the basic features of the contemporary theological interpretation of social and political problems in the context of language philosophy.